

TOP FLIGHT

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ ЧАСТНОЙ АВИАЦИИ

№12 (75) ДЕКАБРЬ 2015

ЧАСЫ RÊVE DE PLUME OT BREGUET

ОГНЕПОКЛОННИКИ: ЛУЧШИЕ НОВОГОДНИЕ ФЕЙЕРВЕРКИ
МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ: ОТЕЛИ С АРТ-КОЛЛЕКЦИЯМИ
ПУТЕШЕСТВЕННИК И ФИЛАНТРОП: ИНТЕРВЬЮ С ЯНОМ ЯНОВСКИМ

РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ • 18 •

9 771999 992003 >

Геннадий ЙОЗЕФАВИЧУС
Отец Маши и корреспондент
Condé Nast Traveller

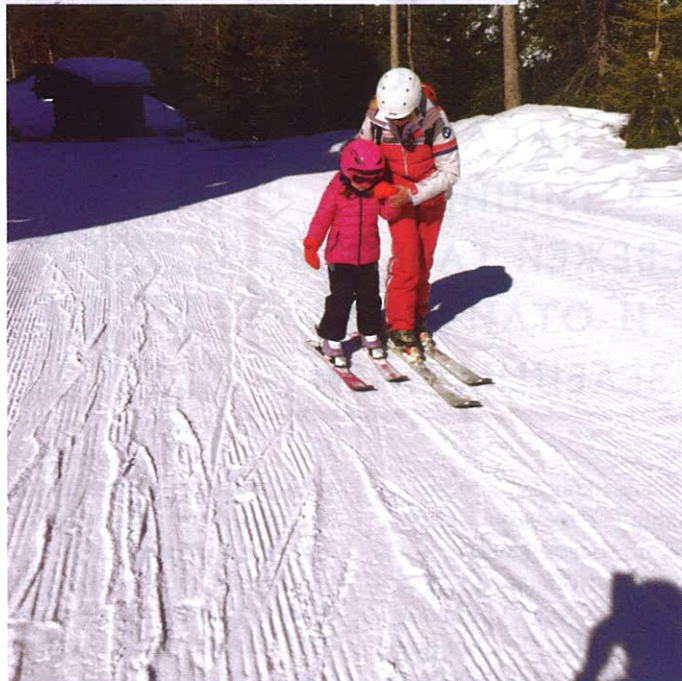
КУРШЕВЕЛЬ С МАШЕЙ

ЕСЛИ УЖ РЕБЕНОК ТВЕРДО РЕШИЛ ВСТАТЬ НА ЛЫЖИ, БЕЗ ПОДДЕРЖКИ
ВЗРОСЛЫХ ЕМУ НЕ ОБОЙТИСЬ. ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ РОДИТЕЛЯМ, КОТОРЫЕ НЕ
КАТАЮТСЯ? ОТПРАВЛЯТЬСЯ В КУРШЕВЕЛЬ, В ОТЕЛЬ L'AROGÉE COURCHEVEL,
ГДЕ РЕБЕНКУ ПОДБЕРУТ АМУНИЦИЮ, НАЙДУТ ОТЛИЧНОГО ТРЕНЕРА,
А СИБАРИТЫ-РОДИТЕЛИ С ЧУВСТВОМ ВЫПОЛНЕННОГО ДОЛГА МОГУТ
СПОКОЙНО НАСЛАЖДАТЬСЯ БАССЕЙНОМ, СПА И ПЕЙЗАЖЕМ ЗА ОКНОМ.

Маша первый раз на склоне.

С

мешно сказать: Маше уже исполнилось четыре года, один месяц и девятнадцать дней, а она еще ни разу не каталась на лыжах. На самокате выучилась исполнять разные акробатические трюки, на велосипеде — ездить на двух колесах; даже на коньках — и на тех вполне сносно стала скользить по льду. И я не говорю о санках; на санках Маша стала съезжать с горы еще до того, как начала ходить. А на лыжах — не пробовала, ни на беговых, ни на горных.

С этим надо было что-то делать, тем более из-под серого московского снега уже вылез асфальт, и даже за городом, у деда на даче, снега не хватило на приличного снеговика, что уж говорить о лыжне.

А тут еще Наташа, мама знакомого Маше трехлетнего лыжника Тимофея, сказала, что она с лыжником едет в горы на последний снег. И Маша расстроилась. Во-первых, ей стало жалко снега. Последний же, стает весь и не останется. Во-вторых, потому что Тимофей ехал в горы, а Маша, судя по всему, нет.

Дальше — больше! Маша не просто расстроилась; она

горько заплакала. И отцовское сердце не выдержало. Я позвонил Наташе, узнал, куда и когда она едет, в каком отеле останавливается, и, отложив покупку новой камеры на лучшие времена, забронировал билет до Женева и гостиницу во Франции, в Куршевеле, на высоте 1850 м. А потом взял с Маши обещание, что она, приехав в горы, немедленно пойдет учиться кататься на лыжах и не будет хныкать. Маша торжественно обещала, но не прошло и пяти минут, как решила всплакнуть. Из-за чего? Оказалось, мама с Машей в горы не едет; мама работает, а с Машей еду я. Впрочем, мама разрешила вместо себя взять iPad с мультфильмами, и причина для расстройства исчезла.

В назначенный час мы встретились с Наташей и Тимофеем в Шереметьево, и наше путешествие в снега началось.

До Куршевеля мы добрались без приключений: дети были заняты друг другом, а еще — мультфильмами, и из микроавтобуса, когда мы уже подъехали к отелю L'Arogée, вроде и не собирались выходить. Помог голод. Который не тетка. Дети вспомнили, что давно не ели, и милостиво разрешили увести себя в гостиничный бар, где быстро получили пустые макароны в огромной миске. И — сила свежего воздуха! — они даже не дали нам разложить пасту по тарелкам, так и стали в две вилки и два рта тянуть спагетти из миски. Даже соревнование получилось: кто быстрее втянет в себя самую длинную

макаронину. Победителя, понятно, не смог определить и фотофиниш.

Ну а дальше, едва расположившись в номере с серыми фланелевыми стенами и шотландски клетчатым полом, мы помчались вниз, в подвал L'Arogée, выбирать Маше ботинки, лыжи, шлем и очки. Куртку и непромокаемые штаны мы привезли свои.

И какой, как вы думаете, цвет выбрала моя дочь? Розовый! Абсолютно девчачий, барбиподобный, розовый

**СДАВ МАШУ
ТРЕНЕРУ,
Я ПОШЕЛ
НАСЛАЖДАТЬСЯ
ЗАСЛУЖЕННЫМИ
ДВУМЯ С
ПОЛОВИНОЙ
ЧАСАМИ
ТИШИНЫ,
СВЕЖЕЙ ГАЗЕТОЙ
И ОТЛИЧНЫМ
ЗЕЛЕНЫМ ЧАЕМ**

цвет. Были нюансы, конечно! Маша все же дочь не только моя, но и своей мамы, а мама в юности была художницей. Она и сейчас иногда бывает художницей. Так вот дочь художницы подобрала себе

амуницию четырех оттенков розового: лыжи были чуть посветлее, в стиле Hello Kitty, ботинки — в тон платью Барби, шлем — цвета клубничного мороженого, а очки — как подушечка жевательной резинки. Да, привезенная из Москвы куртка цвета фуксии дополнила ансамбль. По крайней мере мне за Машу теперь было не страшно: даже подслеповатый дальтоник должен был заметить мою дочь на склоне.

— Теперь, — сказала Маша, — я выберу лыжи тебе.

— Теперь, — ответил я, — мы пойдем в бассейн. Я не катаюсь на лыжах, и ты будешь учиться не со мной, а с учителем.

Думаете, девочка расстроилась? Нисколько. Мысленно она уже плескалась в гостиничном бассейне.

На следующее утро, плотно позавтракав, Маша натянула на себя (с моей помощью, конечно) термобелье, штаны с курткой, шапочку, взяла зайца Ипполита и перчатки, и мы пошли знакомиться с учителем.

Для начала учитель оказался учительницей — немолодой француженкой, говорившей по-русски, как солдат наполеоновской армии ближе к концу русской кампании, и Маша даже успела немного помрачнеть,

но потом немолодая француженка превратилась в молодого уроженца Новосибирска, и девочка, немедленно влюбившись, отправилась в свое первое лыжное приключение: то есть встала на лыжи и... поехала, будто делала это каждую зиму в предыдущие четыре года. Хорошо бы я смотрелся рядом; я имею обыкновение падать, ругаясь и проклиная все на свете, каждые пять метров.

Сдав Машу тренеру, я пошел наслаждаться заслуженными двумя с половиной часами тишины, свежей газетой и отличным зеленым чаем, который мне принесли в номер. К сожалению для нас обоих, часы пролетели слишком быстро: Маша и Ипполит вернулись в целостности и сохранности, а в ансамбле оттенков розового появился еще один — цвет Машиных щек.

А что же Тимофей? В учебе трехлетний лыжник не мог быть нам товарищем, в это время он, не ведая страха,

скатывался с отвесных склонов. И обедал где-то наверху, в одном из тех мест, где за день в сезон продается больше черного трюфеля и белужьей икры, чем в Harrods за неделю. А мы? Мы с удовольствием втягивали в себя макаронины в баре L'Arogée, играли, расположившись на полу, в шашки, выстраивали бастионы из костяшек домино, беседовали со строгой дамочкой, устроившейся с шампанским (розовым, в цвет машины амуниции) в кресле у камина, и литрами пили сладкий чай. Затем, добежав наперегонки до номера, смотрели «Гадкого я» на огромном телевизоре и запивали молоком печенье с буквами М, А, S, Н и еще одной А — в L'Arogée детям пекут такое, именно.

И так мы дожидались Тимофея, и уже с ним — бесстрашным лыжником — шли в детский клуб или в бассейн.

Потом наступало время ужина, дети садились за стол,

заказывали себе по куску мяса, сползали под стол поиграть и очень быстро там засыпали, а мы с Наташей ели детские порции, пили вино и болтали о воспитании спящих под ногами детей.

Сценарий повторялся ежедневно почти без изменений, только Маша каталась все лучше и лучше, и новосибирский инструктор Саша подтверждал успехи своей ученицы роликами, снятыми айфоном при спуске с очередной горы.

Жалел ли я, что не катаюсь — со свистом или без — по трассам, которые в Куршевеле начинаются у гостиничного порога? Конечно, нет! Я радовался за Машу, которой достались снег и горки, и за себя, потому что у меня были фланелевые стены, в которых я мог, наблюдая за красотой из окон, наслаждаться комфортом L'Arogée и планировать следующую поездку. В горы, к примеру, и с Машей. Девочке же надо тренироваться! ∞

Деликатесная продукция от производителя

Россия, Москва. Телефон: +7 (499) 398-0354; Санкт-Петербург. Телефон: 8 (921) 337-1385, +7 (812) 981-9778, +7 (812) 715-3777, сайт: www.krabikra.ru

